LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

FËDOR M. DOSTOEVSKIJ

LA MITE

Кроткая

Racconto fantastico

Traduzione nella lingua di Carlo Bini

Testo integrale con originale russo a fronte

AD VERITATEM

AD VERITATEM

LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

Fëdor M. Dostoevskij
La mite

Traduzione e nota: Ad Veritatem

Testo russo: F. M. Dostoevskij, *Собрание сочинений*, tomo 13, Наука, 1994, pp. 340–375.

© 2026 Luigi Gaggero
Traduzione, nota e apparati.
Tutti i diritti riservati.

ISBN 979-12-5831-014-0

INDICE

DALL'AUTORE 7

CAPITOLO PRIMO 11

I. CHI ERO IO E CHI ERA LEI 11

II. LA PROPOSTA DI MATRIMONIO 21

III. IL PIÙ NOBILE DEGLI UOMINI, EPPURE IO STESSO NON CI CREDO 29

IV. SEMPRE PROGETTI, PROGETTI 33

V. LA MITE SI RIBELLA 39

VI. IL TERRIBILE RICORDO 49

CAPITOLO SECONDO 55

I. IL SOGNO DELL'ORGOGLIO 55

II. IL VELO CADDE D'UN TRATTO 63

III. CAPISCO FIN TROPPO 71

IV. SOLTANTO CINQUE MINUTI DI RITARDO 79

Nota sulla traduzione 87

ОТ АВТОРА

Я прошу извинения у моих читателей, что на сей раз вместо «Дневника» в обычной его форме даю лишь повесть. Но я действительно занят был этой повестью большую часть месяца. Во всяком случае прошу снисхождения читателей.

Теперь о самом рассказе. Я озаглавил его «фантастическим», тогда как считаю его сам в высшей степени реальным. Но фантастическое тут есть действительно, и именно в самой форме рассказа, что и нахожу нужным пояснить предварительно.

Дело в том, что это не рассказ и не записки. Представьте себе мужа, у которого лежит на столе жена, самоубийца, несколько часов перед тем выбросившаяся из окошка. Он в смятении и еще не успел собрать своих мыслей. Он ходит по своим комнатам и старается осмыслить случившееся, «собрать свои мысли в точку». Притом это закоренелый ипохондрик, из тех, что говорят сами с собою. Вот он и говорит сам с собой, рассказывает дело, уясняет себе его.

Несмотря на кажущуюся последовательность речи, он несколько раз противуречит себе, и в логике и в чувствах. Он и оправдывает себя, и обвиняет ее, и пускается в посторонние разъяснения: тут и грубость мысли и сердца, тут и глубокое чувство. Мало-помалу он действительно уясняет себе дело и собирает «мысли в точку». Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к правде; правда неотразимо возвышает его ум и сердце. К концу даже тон рассказа изменяется сравнительно с беспорядочным началом его. Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого.

Вот тема. Конечно, процесс рассказа продолжается несколько часов, с урывками и перемежками и в форме сбивчивой: то он говорит сам себе, то обращается как бы к невидимому слушателю, к какому-то судье. Да так всегда и бывает в действительности. Если б мог подслушать его и всё записать за ним стенограф, то вышло бы несколько шершавее, необделаннее, чем представлено у меня, но, сколько мне кажется, психологический порядок, может быть, и остался бы тот же самый.

Вот это предположение о записавшем всё стенографе (после которого я обделал бы записанное) и есть то, что я называю в этом рассказе фантастическим.

DALL'AUTORE

Domando scusa ai miei lettori se questa volta, invece del «Diario» nella sua consueta forma, non offro loro che un racconto. Ma è pur vero che a questo racconto ho consacrato la maggior parte del mese. Spero dunque che vorranno usarmi indulgenza.

Veniamo ora al racconto. Gli ho dato il titolo di «fantastico», mentre io stesso lo tengo per cosa sommamente reale. E nondimeno un che di fantastico vi è davvero, e sta appunto nella forma del racconto: il che credo necessario dichiarare innanzi tutto.

Il fatto è che non abbiamo qui né un racconto né delle memorie. Figuratevi un marito la cui moglie giace sul tavolo, morta suicida, essendosi gettata dalla finestra poche ore prima. È tutto sossopra, e non ha ancora potuto raccogliere i suoi pensieri. Va su e giù per le stanze e si sforza di comprendere l'accaduto, di «raccogliere i pensieri in un punto». Per giunta è un ipocondriaco incallito, di quelli che discorrono fra sé. Ed eccolo parlare con se stesso, narrare il fatto, cercar di farsene ragione.

Benché il discorso paia procedere con ordine, più d'una volta egli si contraddice, e nei ragionamenti e negli affetti. Ora assolve se stesso, ora accusa lei, ora si perde in digressioni: v'è durezza d'intelletto e di cuore, e v'è insieme sentimento profondo. A poco a poco, davvero, il fatto gli si rischiara, ed egli raccoglie «i pensieri in un punto». Una successione di ricordi, da lui stesso suscitati, lo conduce irresistibilmente, alla fine, alla verità; e questa verità innalza irresistibilmente il suo intelletto e il suo cuore. Verso la fine perfino il tono del racconto muta, a paragone di quel principio così disordinato. La verità si manifesta allo sciagurato abbastanza chiaramente e distintamente, almeno per lui.

Ecco il tema. Certo, lo svolgersi del racconto abbraccia parecchie ore, con pause e riprese, e in maniera sconnessa: ora egli parla a se stesso, ora pare rivolgersi a un ascoltatore invisibile, a non so qual giudice. Ma così appunto accade nella realtà. Se uno stenografo potesse ascoltarlo di nascosto e trascrivere ogni parola, ne uscirebbe una cosa un poco più aspra, più grezza di quella che io presento; eppure, a mio avviso, l'ordine psicologico forse rimarrebbe il medesimo.

E proprio questa supposizione d'uno stenografo che abbia raccolto tutto (e delle cui note io avrei poi dato una forma letteraria) è ciò che in questo racconto chiamo fantastico.

Но отчасти подобное уже не раз допускалось в искусстве: Виктор Гюго, например, в своем шедевре «Последний день приговоренного к смертной казни» употребил почти такой же прием и хоть и не вывел стенографа, но допустил еще большую неправдоподобность, предположив, что приговоренный к казни может (и имеет время) вести записки не только в последний день свой, но даже в последний час и буквально в последнюю минуту. Но не допусти он этой фантазии, не существовало бы и самого произведения — самого реальнейшего и самого правдивейшего произведения из всех им написанных.

Ma qualcosa di simile s'è già più volte ammesso nell'arte: Victor Hugo, per esempio, nel suo capolavoro «L'ultimo giorno di un condannato a morte», si servì presso a poco del medesimo espediente; e, se non introdusse uno stenografo, ammise un'inverosimiglianza anche maggiore, supponendo che un condannato possa (e ne abbia il tempo) tenere delle memorie non soltanto nell'ultimo giorno della sua vita, ma ancora nell'ultima ora, anzi, alla lettera, nell'ultimo minuto. Ma se egli non si fosse concessa questa fantasia, non esisterebbe neppure l'opera: la più reale, la più veritiera di quante ne abbia scritte.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. КТО БЫЛ Я И КТО БЫЛА ОНА

...Вот пока она здесь — еще всё хорошо: подхожу и смотрю поминутно; а унесут завтра и — как же я останусь один? Она теперь в зале на столе, составили два ломберных, а гроб будет завтра, белый, белый гроденапль, а впрочем, не про то. Я всё хожу и хочу себе уяснить это... Вот уже шесть часов, как я хочу уяснить и всё не соберу в точку мыслей. Дело в том, что я всё хожу, хожу, хожу... Это вот как было. Я просто расскажу по порядку.

(Порядок!) Господа, я далеко не литератор, и вы это видите, да и пусть, а расскажу, как сам понимаю. В том-то и весь ужас мой, что я всё понимаю!

Это если хотите знать, то есть если с самого начала брать, то она просто-запросто приходила ко мне тогда закладывать вещи, чтоб оплатить публикацию в «Голосе» о том, что вот, дескать, так и так, гувернантка, согласна и в отъезд, и уроки давать на дому, и проч. и проч. Это было в самом начале, и я, конечно, не различал ее от других: приходит как все, ну и прочее. А потом стал различать.

Была она такая тоненькая, белокуренькая, средневысокого роста; со мной всегда мешковата, как будто конфузилась (я думаю, и со всеми чужими была такая же, а я, разумеется, ей был всё равно что тот, что другой, то есть если брать как не закладчика, а как человека). Только что получала деньги, тотчас же повертывалась и уходила. И всё молча.

Другие так спорят, просят, торгуются, чтоб больше дали; эта нет, что дадут... Мне кажется, я всё путаюсь...

Да; меня прежде всего поразили ее вещи: серебряные позолоченные сережечки, дрянненький медальончик — вещи в двугривенный. Она и сама знала, что цена им гривенник, но я по лицу видел, что они для нее драгоценность, — и действительно, это всё, что оставалось у ней от папаши и мамаши, после узнал.

CAPITOLO PRIMO

I. CHI ERO IO E CHI ERA LEI

...Finché ella è qui, tutto può ancora andare: le m'accosto e la guardo ogni momento; ma domani la porteranno via, e allora — come resterò io solo? Ora è nella sala, sul tavolo: hanno accostato due tavolini da gioco; domani verrà la bara, bianca, rivestita di gros de Naples bianco... Ma non è questo, non è questo. Io non faccio che camminare, e vorrei capire. Sono sei ore ormai che cerco di capire, e non riesco a raccogliere i pensieri in un punto. È che vado su e giù, su e giù, su e giù... Ecco com'è andata. Racconterò semplicemente per ordine.

(Ordine!) Signori miei, io non sono punto uno scrittore, e già ve n'avvedete; ma sia pure: racconterò come so io. E qui sta tutto il mio spavento: che io capisco tutto!

Ecco, se volete saperlo, vale a dire se si vuol cominciare proprio dal principio, allora ella veniva semplicemente da me a impegnare delle cose, per pagarsi un annunzio nel «Golos»[1]: così e così, istitutrice, disposta anche a trasferirsi, a dar lezioni in casa, eccetera, eccetera. Questo era in principio, e io, beninteso, non la distinguevo punto dagli altri: veniva come tutti, e via discorrendo. Ma poi cominciai a distinguerla.

Era così esile, biondina, di statura mezzana; con me sempre impacciata, quasi si vergognasse (credo fosse tale anche con ogni estraneo; e io, naturalmente, per lei valevo questo o quello, voglio dire se mi si considera non come prestatore su pegno, ma come uomo). Appena ricevuti i denari, voltava le spalle e se n'andava. E tutto senza dir parola.

Gli altri discutono, pregano, mercanteggiano, pur di farsi dare qualche soldo di più; lei no: quel che le si dava... Ma mi pare di confondere ogni cosa...

Già; prima di tutto mi colpirono gli oggetti che portava: due orecchinini d'argento dorato, un medaglioncino da nulla — roba da venti copeche. Lo sapeva anch'ella che non ne valevano dieci; ma le leggevo sul viso quanto le fossero cari, e infatti erano tutto ciò che le restava del babbo e della mamma: questo lo seppi poi.

[1] Golos («La voce») era un quotidiano politico-letterario di Pietroburgo, pubblicato dal 1863 al 1883. Ospitava annunci di lavoro: proprio attraverso questi la giovane tenta inutilmente di trovare un impiego.

Раз только я позволил себе усмехнуться на ее вещи.

То есть, видите ли, я этого себе никогда не позволяю, у меня с публикой тон джентльменский: мало слов, вежливо и строго. «Строго, строго и строго».

Но она вдруг позволила себе принести остатки (то есть буквально) старой заячьей куцавейки, — и я не удержался и вдруг сказал ей что-то вроде как бы остроты. Батюшки, как вспыхнула! Глаза у ней голубые, большие, задумчивые, но — как загорелись! Но ни слова не выронила, взяла свои «остатки» и — вышла.

Тут-то я и заметил ее в первый раз особенно и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде.

Да; помню и еще впечатление, то есть, если хотите, самое главное впечатление, синтез всего: именно что ужасно молода, так молода, что точно четырнадцать лет. А меж тем ей тогда уж было без трех месяцев шестнадцать. А впрочем, я не то хотел сказать, вовсе не в том был синтез. Назавтра опять пришла.

Я узнал потом, что она у Добронравова и у Мозера с этой куцавейкой была, но те, кроме золота, ничего не принимают и говорить не стали. Я же у ней принял однажды камей (так, дрянненький) — и, осмыслив, потом удивился: я, кроме золота и серебра, тоже ничего не принимаю, а ей допустил камей. Это вторая мысль об ней тогда была, это я помню.

В этот раз, то есть от Мозера, она принесла сигарный янтарный мундштук — вещица так себе, любительская, но у нас опять-таки ничего не стоящая, потому что мы — только золото. Так как она приходила уже после вчерашнего бунта, то я встретил ее строго. Строгость у меня — это сухость. Однако же, выдавая ей два рубля, я не удержался и сказал как бы с некоторым раздражением: «Я ведь это только для вас, а такую вещь у вас Мозер не примет». Слово «для вас» я особенно подчеркнул, и именно в некотором смысле.

Зол был. Она опять вспыхнула, выслушав это «для вас», но смолчала, не бросила денег, приняла, — то-то бедность! А как вспыхнула! Я понял, что уколол.

А когда она уже вышла, вдруг спросил себя: так неужели же это торжество над ней стоит двух рублей?

Una sola volta mi permisi di sorridere di quelle sue cose.

Voglio dire, vedete, che questo non me lo permetto mai: coi clienti tengo un fare da gentiluomo; poche parole, cortesia e severità. «Severità, severità, severità»[2].

Ma un giorno ella si permise di portarmi gli avanzi (e dico proprio gli avanzi) d'una vecchia pelliccetta di coniglio, e io non seppi trattenermi, e mi scappò una specie di facezia. Signore Iddio, come arrossì! Aveva gli occhi azzurri, grandi, pensosi, ma — come le sfavillarono! Non lasciò uscire una parola, prese i suoi «avanzi» e — se ne andò.

Fu allora che, per la prima volta, la notai davvero, e pensai di lei qualcosa di quella sorta, voglio dire proprio qualcosa d'una sorta particolare.

Sì; mi ricordo ancora un'altra impressione, o anzi, se volete, l'impressione principale, la sintesi di tutto: era terribilmente giovane, così giovane che ne dimostrava quattordici, proprio quattordici. Eppure aveva già quindici anni e nove mesi. Ma non è questo che volevo dire, non era questa la sintesi. Tornò l'indomani.

Seppi poi ch'ella era stata con quella pelliccetta da Dobronravov e da Moser; ma quelli, non prendendo che oro, non vollero neppure starla a sentire. Io invece una volta le avevo accettato un cammeo (una miseriuccia, via), e, ripensandoci, me ne stupii: anch'io non accetto nulla fuorché oro e argento, e per lei avevo fatto passare un cammeo. Questo fu il secondo pensiero che ebbi allora sul conto suo; me ne ricordo.

Quella volta, voglio dire di ritorno da Moser, mi portò un bocchino d'ambra da sigaro: una cosuccia, buona forse per un amatore, ma per noi di nessun valore, giacché noi non prendiamo che oro. Veniva dopo la ribellione del giorno innanzi, e io l'accolsi severamente. La mia severità consiste nella freddezza. Tuttavia, nel darle due rubli, non mi trattenni dal dirle con una certa irritazione: «Questo lo faccio soltanto per voi; Moser non accetterebbe da voi una cosa simile». Su quel «per voi» calcai la voce in modo particolare, e con una certa intenzione.

Ero in collera. Ella arrossì di nuovo, a sentire quel «per voi»; ma tacque, non mi gettò i denari in faccia, li prese: ecco che cosa vuol dire la miseria! E come arrossì! Compresi d'averla punta.

Quando fu uscita, mi domandai a un tratto: ma davvero un simile trionfo su di lei vale due rubli?

---

[2] Ripresa non letterale di un'espressione del racconto Il cappotto (1842) di Nikolaj Gogol'. La citazione caratterizza l'affettazione autoritaria del narratore.